

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.5

EDN: FVN LGV

doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-2-8

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА

Ольга Валентиновна Романовская

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

pgu-gpd@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Цифровизация, затрагивая все стороны социальной жизни, при вовлечении в систему публичного управления приводит к серьезной трансформации всего государства. Масштабные преобразования касаются базовых институтов, что нуждается в дополнительной научной оценке и внесении корректив в различные отрасли законодательства. Основная цель – определить правовые основы цифрового государства, рассмотреть элементы электронного правительства, обозначить степень влияния цифровых технологий на систему публичного администрирования. *Материалы и методы.* Эмпирическую базу исследования составили правовые акты различного типа и уровня, определяющие внедрение цифровых технологий в процесс организации и деятельности органов государственной власти. Использовался сравнительно-правовой метод исследования, позволивший проанализировать зарубежные правовые акты (Франции, Германии, Австрии), посвященные цифровому государству и электронному правительству. *Результаты.* Представлена общая содержательная характеристика новой модели управления – GovTech. Определено значение Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Сформулирован вывод о необходимости внедрения в Российской Федерации электронных удостоверений личности. *Выводы.* Стремительный технологический прогресс оказывает значимое влияние на политические и экономические отношения, что приводит к переоценке роли государства в регулировании социальных отношений. Появляется новый концепт «Цифровое государство», значение которого выходит за рамки традиционного понимания публичной власти и ее организации в современном обществе.

Ключевые слова: цифровизация, публичная власть, цифровое государство, электронное правительство, цифровые права, электронное удостоверение личности

Для цитирования: Романовская О. В. Правовые основы цифрового государства // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2024. Т. 12, № 2. С. 76–85. doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-2-8 EDN: FVN LGV

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

Original article

LEGAL BASIS OF THE DIGITAL STATE

Olga V. Romanovskaya

Penza State University, Penza, Russia

pgu-gpd@yandex.ru

Abstract. *Background.* Digitalization, affecting all aspects of social life, when involved in the public administration system, leads to a serious transformation of the entire state. Large-scale transformations affect basic institutions, which require additional scientific assessment and adjustments to various legal areas. The main goal is to determine the legal basis of the digital state, to consider the elements of e-government and to assess the impact of digital technologies on the public administration system. *Materials and methods.* The empirical basis of the study is made up of legal acts of various types and levels that determine the introduction of digital technologies in the organization and activity of public authorities. A comparative legal research method is used, which enables analyzing foreign legal acts (France, Germany, Austria) dedicated to the digital state and e-government. *Results.* The article presents the general substantive characteristics of the new administration model – GovTech. The significance of the Federal Law “On the Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital Innovation in the Russian Federation” is determined. The study highlights the need to introduce electronic identity cards in the Russian Federation. *Conclusions.* Rapid technological progress has a significant impact on political and economic relations, which leads to a reevaluation of the role of the state in regulating social relations. A new concept of the digital state is emerging, the essence of which goes beyond the traditional understanding of public authority and its organization in modern society.

Keywords: digitalization, public authority, digital state, e-government, digital rights, electronic ID

For citation: Romanovskaya O.V. Legal basis of the digital state. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2024;12(2):76–85. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-2-8

Всеобщая цифровизация, затрагивая основы коммуникаций, безусловно, приводит к трансформации практически всех общественных отношений. Государство также не может остаться в стороне. Использование цифровых технологий в системе осуществления государственной власти все больше проникает во все государственные органы. Первоначальная компьютеризация на определенном этапе служила инструментом улучшения профессиональной деятельности, но по общим законам развития постепенно количество стало обуславливать качественные преобразования. С одной стороны, цифровые технологии ускоряют административные процессы, повышают качество осуществления властных полномочий и эффективность государственного аппарата. С другой стороны, их внедрение (как и уровень участия в управленческой деятельности) достигло такого состояния, когда затрагиваются основы суверенной власти. Это вылилось в такие концепции, как обеспечение цифрового суверенитета – определение монополии власти на цифровое пространство, которое вряд ли можно отождествлять с материальными объектами. Распространение суверенитета на виртуальный мир – новелла конституционализма, которая еще нуждается в своих перспективных исследованиях [1]. Все больше в научных публикациях упоминается такой термин, как «цифровое государство», под которым понимается трансформирующаяся модель управления,

обеспечиваемая различными цифровыми технологиями и инновационными подходами в решении общественных проблем [2, 3].

За рубежом для характеристики подобного процесса формирования новой модели управления служит специальный термин – GovTech¹. Для оценки цифровой трансформации государства Всемирным банком используется Индекс зрелости государственных технологий – GovTech Maturity Index. Официальная позиция Всемирного банка исходит из того, что GovTech – универсальный подход в формировании цифрового правительства, цель которого – модернизация государственного сектора. Следствием реформ должно стать создание «простого, эффективного и прозрачного правительства, в котором гражданин находится в центре реформ». Одновременно Всемирный банк на основе заявленного подхода оказывает финансовую и техническую помощь странам с низким и средним уровнем дохода по всему миру для поддержки внедрения решений GovTech. Всемирный банк также поясняет: GovTech – это комплексный подход правительства к модернизации государственного сектора, в котором сочетаются три ее аспекта: ориентированность на граждан, общедоступность государственных услуг, общегосударственный подход к трансформации цифрового правительства.

На сайте Всемирного банка представлен отчет ГТМІ за 2022 г., в основе которого информация, полученная из 198 стран. Одновременно в Отчете дана краткая характеристика лучших практик, проводимых в отдельных государствах. Показательно, что многие страны: Оман, Монголия, Египет, Бенин, Танзания, Уганда, Узбекистан – не относятся к числу государств с высокоразвитой экономикой, но активно взялись за внедрение цифровых технологий, что поможет им кардинально изменить ситуацию. Например, Узбекистан активно внедряет программу по привлечению «цифровых кочевников» (Digital Nomad) – специалистов, проживающих в одной стране, но работающих удаленно в другой стране. Российская Федерация по индексу ГТМІ входит в первую группу стран с высокоразвитыми цифровыми технологиями в государственном управлении.

Точкой отсчета для формирования в России цифрового государства можно считать принятие Правительством в 2002 г. федеральной программы «Электронная Россия (2002–2010 годы)» (Постановление № 65). Многие считают, что и административная реформа, объявленная в следующем году (основой которой стал Указ Президента РФ от 23 июля 2003 г. № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 гг.»), стала следствием принятия указанной программы, поскольку новые управленческие технологии могут эффективно внедряться только при создании соответствующей институциональной основы и такими государственными служащими, которые имеют специальные компетенции и подготовку.

Правовое обеспечение цифрового государства стало строиться вокруг утверждения принципа сервиса, когда государство во взаимодействии с гражданами и юридическими лицами выступает в качестве субъекта, оказывающего публичные услуги [4, 5]. А уже они в силу диджитализации приобретают цифровой характер. Таким образом центральное место стал занимать Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», а его организующим институтом – многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ), понятие которого представлено в Законе.

Закон № 210-ФЗ допускает предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме, которая все больше становится преобладающей в практике органов публичной власти. Постановлением Правительства РФ от 26 марта 2016 г. № 236 утверждены требования к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг.

Следует упомянуть также Постановление Правительства РФ от 24 октября 2011 г. № 861 «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих

---

¹ What's New in GovTech // The World Bank : website. URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/govtech> (дата обращения: 20.03.2024).

предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)», которое закрепляет общие правила функционирования портала «ГосУслуги». Его понятие также представлено в Законе. Каждый гражданин России, имеющий свою персональную страницу на этом портале, может получить определенный набор государственных и муниципальных услуг, практически не выходя из дома, имея круглосуточный удаленный доступ к своим личным данным. При этом предусматриваются следующие возможности:

- сохранение истории подачи заявлений;
- возможность копирования уже поданных ранее документов для нового обращения в органы власти;
- отслеживание истории заявления;
- получение результатов рассмотрения заявления в электронной форме.

По мере развития системы предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме происходил всеобщий рост цифровизации публичной власти [6, 7]. Можно отметить, что именно это стало определенным триггером в развитии. Благодаря этому весь концепт электронного правительства стал связываться с цифровизацией процесса оказания услуг, а уже потом охватываться и дополнительными элементами. Д. А. Попов предложил собственный проект Федерального закона «Об электронном правительстве», в рамках которого должны быть урегулированы основные вопросы: от круга регулируемых отношений и специального категориального аппарата, полномочий всех уровней публичной власти до конкретного перечня актов, которые должны быть приняты в развитие будущего закона [8].

Аналогичное предложение по совершенствованию законодательной базы предоставления государственных услуг в электронной форме поддерживал и К. В. Давыдов [9].

За рубежом не во многих странах приняты законы об электронном правительстве. Можно привести примеры подобного правового регулирования.

В Австрии действует с 2004 г. Федеральный закон о правилах, облегчающих электронную связь с государственными органами (Закон об электронном правительстве – E-GovG)¹. Представленная концепция гораздо шире, чем просто решение тех задач, которые определены законодательством о предоставлении государственных услуг в электронной форме. Параграф 1а определяет предметологию как сферу электронного взаимодействия гражданина с судами и административными органами (государственные услуги – одна из возможных сфер). Закон определяет правовой режим E-ID – электронного идентификатора личности, позволяющего гражданину осуществлять аутентификацию в онлайн-пространстве (получить его можно начиная с 14 лет). Кстати, разделы 1–4 закона как раз посвящены порядку получения E-ID, его использования и правилам защиты. Необходимо отметить, что онлайн-пространство обуславливает необходимость достоверной идентификации для вступления в правоотношения не только с органами публичной власти, но и с коммерческими организациями для ведения гражданского оборота. В противном случае создается основа для осуществления мошеннических операций, которые могут приводить к серьезным последствиям, тем более что основная преступность корыстной направленности сменила свою платформу, плавно переходя в виртуальный мир.

В Российской Федерации Распоряжением Правительства РФ от 19 сентября 2013 г. № 1699-р утверждены Концепция введения в Российской Федерации удостоверения личности гражданина Российской Федерации, оформляемого в виде пластиковой карты с электронным носителем информации, и план мероприятий по реализации Концепции. На процесс реализации данной Концепции многие в начале ее действия смотрели весьма оптимистично. Е. А. Андрюшкова считала, что она качественно изменит всю систему выдачи удостоверений личности для граждан России [10, с. 26]. Д. А. Попов указывал на необходимость будущей

¹ Bundesrecht konsolidiert: Gesamte Rechtsvorschrift für E-Government-Gesetz // Rechtsinformationssystem des Bundes : website. URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=20003230govtech> (дата обращения: 02.04.2024).

стыковки государственных информационных ресурсов, определяющих различные персональные данные [11, с. 4]. В 2014 г. в Федеральном проекте «Цифровое государственное управление» предусматривалась подпрограмма 4 «Информационное государство», в которой введение цифровых удостоверений личности рассматривалось как движущий фактор развития взаимодействия государства и общества. Контрольные цифры предполагали, что к 2024 г. более половины населения Российской Федерации должны будут иметь соответствующие цифровые удостоверения. Однако происходила некоторая путаница – отчасти цифровое удостоверение отождествлялось с наличием электронной цифровой подписи, что нельзя признать равнозначными объектами [12, с. 64].

Несмотря на всю актуальность регулирования электронных документов (а с учетом всеобщей цифровизации она повышается), дело не сдвинулось с мертвой точки. Если обращаться к зарубежному опыту, то во многих странах созданы различные системы электронной аутентификации граждан. При этом есть определенные различия, зависящие от точки входа в кибермир, которые позволяют разделять документы на три вида: ID Card, Mobil-ID и Web eID. E-ID функционируют в Италии, Эстонии, Финляндии, Бельгии, Хорватии и других странах Евросоюза. Для европейского пространства актуальна другая проблема – совместимость национальных карт на всем едином правовом поле. В соответствии с Регламентом Европейского парламента и Совета от 20 июня 2019 г. № 2019/1157 «Об усилении защиты удостоверений личности граждан Союза и документов о проживании, выдаваемых гражданам Союза и членам их семей, осуществляющим право на свободное передвижение»¹ планируется перейти на универсальные электронные удостоверения личности к 2026 г.

В марте 2022 г. Правительство Китая объявило, что в течение года будут введены электронные удостоверения личности для всех граждан Китая, чтобы каждый мог получить быстрый доступ к интернету и услугам, которые благодаря ему предоставляются².

Возвращаясь к австрийскому законодательству, следует отметить, что раздел 5 Закона об электронном правительстве посвящен особенностям электронного документооборота. Параграф 20 предусматривает, что распечатанная версия электронного документа (подтвержденного электронной цифровой подписью) имеет официальную юридическую силу. В документе должна содержаться ссылка на страницу в интернете, с помощью которой можно верифицировать бумажный документ в виде первоначального электронного.

Во Франции действует Закон от 7 октября 2016 г. № 2016-1321 о цифровой республике³, который не следует рассматривать как единый специальный закон. Его предназначение – внести системные изменения и дополнения в уже действующие нормативные акты, чтобы приспособить их к новой цифровой реальности. Основным актом, подвергнувшимся изменениям, стал Кодекс взаимоотношений общественности и власти. Ключевые изменения состоят в следующем:

- в административный документооборот включены не только документы на бумажном носителе, но и файлы и исходные коды;
- определена возможность представления документов в электронной форме, позволяющей их обрабатывать и неоднократно использовать;
- передача документов в электронной форме осуществляется бесплатно (если такая форма передачи возможна, необходимо также уведомить о технических параметрах документа для ознакомления с ним). Это правило распространяется на оцифрованные ресурсы с открытым доступом;

¹ Regulation (EU) 2019/1157 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on strengthening the security of identity cards of Union citizens and of residence documents issued to Union citizens and their family members exercising their right of free movement // EUR-Lex : website. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/1157/oj> (дата обращения: 02.04.2024).

² Macdonald A. China to introduce digital ID cards nationwide. Mar 14, 2022 // Biometrics : website. URL: <https://www.biometricupdate.com/202203/china-to-introduce-digital-id-cards-nationwide> (дата обращения: 24.03.2024).

³ Loi n° 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique // REPUBLIQUE FRANCAISE : website. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000033202746> (дата обращения: 02.04.2024).

– при принятии индивидуального правового акта на основе алгоритмической обработки возникает обязанность об информировании заинтересованной стороны. Кроме того, необходимо уведомление (по запросу) с правилами, определяющими такую обработку, а также основные характеристики ее осуществления;

– устанавливается обязанность органов публичной власти публиковать различные данные, на основе которых принимаются управленческие решения (исключения – местные органы власти с населением менее 3500 граждан);

– уточняется состав и порядок деятельности Комиссии по доступу к административным документам (независимый административный орган). Предусматривается также создание Комиссии по цифровому суверенитету, миссия которой заключается в «способствовании осуществлению национального суверенитета в киберпространстве, а также индивидуальных и коллективных прав и свобод, которые защищает Республика»;

– определяются параметры распространения информации с открытым доступом (так называемые «открытые данные»);

– закрепляется открытое распространение результатов научного исследования, которое осуществлялось как минимум наполовину за счет грантов государства, муниципалитетов и общественных фондов по истечении определенного срока (при соблюдении иных правил научных исследований);

– допускается цифровой формат ведения образовательной деятельности (устанавливается эквивалент по отношению к очному ведению занятий);

– ряд положений посвящен реализации принципа интернет-нейтральности, порядку переноса данных и их совместимости, регулированию политики лояльности различных интернет-платформ, защите права на неприкосновенность частной жизни в киберпространстве;

– определены правила видеоигр (кстати, предусматриваются ограничения для некоторых граждан по обучению видеоиграм, выполнению судейских функций на соревнованиях по видеоиграм);

– введены положения, направленные на обеспечение доступа к цифровым услугам для лиц с ограниченными возможностями и социально уязвимых лиц.

В Федеративной Республике Германии действует Закон от 25 июля 2013 г. о содействии электронному управлению (Закон об электронном правительстве – EGovG)¹, который предъявляет требования о размещении информации о публичной деятельности каждого государственного органа (включая публичные корпорации и юридических лиц публичного права) в сети Интернет. Каждый из них должен обеспечить возможность передачи данных в электронном виде. Органы власти также должны обеспечить стандарт электронных платежей (в том числе на основании представления счетов-фактур по обязательствам, вытекающим из государственных контрактов). Устанавливается перевод всех бумажных документов в электронный формат с последующим уничтожением бумажных носителей (§ 7). Закрепляется возможность подачи различных официальных обращений через федеральный портал. Предусматриваются некоторые правовые меры защиты прав граждан: запрещен доступ к черновым материалам, сохраненным на портале, размещенным до официальной подачи заявления. Сам черновик может быть сохранен только для подачи иных заявлений самим пользователем. При отзыве заявления удаляются и данные о подаче (§ 9b). Закон устанавливает правила электронного оборота «открытых федеральных данных» (§ 12a). В нем не предусмотрено официальное понятие электронного правительства. Только на сайтах некоторых федеральных органов власти представлен комментарий, согласно которому под электронным правительством понимается руководство взаимодействием, связанным с управлением и администрированием с помощью информационно-коммуникационных технологий через электронные сети.

Обращает на себя внимание тот факт, что первый опыт принятия специального закона о цифровых технологиях в Германии осуществлен на уровне земли (субъекта Федерации) –

¹ Gesetz zur Förderung der elektronischen Verwaltung (E-Government-Gesetz – EGovG) // Bundesministerium der Justiz : website. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/egovg/> (дата обращения: 02.04.2024).

Закон Баварии от 22 июля 2022 г. «О цифровизации» (Gesetz über die Digitalisierung im Freistaat Bayern, Bayerisches Digitalgesetz – BayDiG)¹. Нормативный акт расширяет предмет регулирования за счет содействия продвижению цифровизации в науке и образовании, равному доступу к цифровым профессиям, укреплению базовых цифровых навыков в обществе, бизнесе и управлении, продвижению цифровых услуг, усилению IT-безопасности в государстве, управлении и экономике. Статья 5 Закона закрепляет обязательность оцифровки всех публичных процессов управления (административного документооборота). Глава 2 посвящена цифровым правам, что придает еще большую уникальность закону. Определены основные цифровые права человека:

- право на свободный доступ к интернету;
- право на цифровую правоспособность и дееспособность;
- право на цифровое самоопределение;
- право на собственную цифровую идентичность;
- право на общение с органами публичной власти в цифровом формате;
- право на мобильное предоставление государственных цифровых услуг;
- гарантированность открытых данных в целях публичного управления.

Концепция цифровых прав человека не считается общепризнанной. В некоторых научных источниках ее категорически отрицают, считая, что иначе происходит путаница формы закрепления прав с их содержанием. В иных источниках представлена уже периодизация поколений [13, с. 32], что все-таки выглядит преждевременным. Некоторые авторы больше оценивают потенциальные риски, которые нарастают с развитием инновационных технологий [14, 15], тем более что цифровизация сама по себе иногда рассматривается как некая гибридная угроза, снижающая уровень общественной безопасности [16]. Это приводит к продолжению дискуссий о необходимости самостоятельного закрепления цифровых прав человека в публичной сфере [17].

Следует отметить, что многие положения закона нуждаются в детализации и соответствующем наполнении, которое будет осуществляться административными органами. Процесс настройки закона не завершен.

В Российской Федерации приняты базовые стратегические документы, которые определяют национальный вектор развития цифровизации:

- Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.;
- Распоряжением Правительства РФ от 25 декабря 2013 г. № 2516-р утверждена Концепция развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде;
- Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.

Цифровая экономика обозначена как национальный проект в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». А его паспорт утвержден Протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 [18]. Если проанализировать указанные документы, то можно увидеть их направленность на регулирование именно тех моментов, которые обозначаются в законодательстве об электронном правительстве.

Необходимо учитывать, что правовой характер стратегий не предполагает введение регуляторного механизма. Указанные документы определяют правовую политику, но не создают правила поведения. Отсутствие пока единого подхода к правовому регулированию технологического оборота и приводит к тому, что законодатель выбрал осторожность как основу для принятия новых законов. Отчасти путь «проб и ошибок» должен взять на себя

¹ Gesetz über die Digitalisierung im Freistaat Bayern // Bayern.Recht : website. URL: <https://www.gesetze-bayern.de/Content/Document/BayDiG> (дата обращения: 02.04.2024).

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 58-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Название закона указывает на использование экспериментального правового режима, к которому долгое время многие ученые-юристы относились весьма скептически.

В соответствии со ст. 3 Закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» целями экспериментального правового режима являются:

- формирование новых видов, форм, способов осуществления экономической деятельности;
- развитие конкуренции;
- повышение эффективности публичного управления;
- создание благоприятных условий для разработки и внедрения цифровых инноваций и др.

В развитие положений Закона на основании постановлений Правительства РФ обозначены сферы введения эксперимента с установлением специальных параметров. Так, определены правовые режимы беспилотных авиационных систем, функционирования медицинских цифровых помощников и др. В каждом постановлении Правительства определены субъекты Российской Федерации, в которых допускается проведение эксперимента. Общая продолжительность срока правового эксперимента – три года, но в постановлениях Правительства нередко он ограничивается двумя годами. С учетом того, что Закон вступил в силу в начале 2021 г., завершение срока его действия – начало 2024 г. Необходимо подвести итоги, которые могут стать основой для принятия уже постоянных решений. Будем надеяться, что необходимые изменения в правовые акты будут внесены обоснованно и оперативно.

Таким образом, предлагаемая концепция цифрового государства во многом связана с развитием цифровизации, проникающей во все общественные сферы, где публичное управление не является исключением. Первоначальный подход был основан на внедрении модели электронного правительства, охватывающего не только электронный документооборот в системе органов публичной власти, но и взаимодействие личности и государства на основе новых информационно-коммуникационных технологий [19, 20]. Однако всеобщий охват цифровизации, ее стремительный рост и бурное влияние на политические и экономические отношения приводит к тому, что происходит переоценка роли государства в регулировании социальных отношений. Цифровое государство последовательно становится качественно иным, смысл его еще предстоит понять юридическому научному сообществу.

Список литературы

1. Талапина Э. В. Права человека и цифровой суверенитет // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 6. С. 10–15. doi: [10.18572/1813-1247-2020-6-10-15](https://doi.org/10.18572/1813-1247-2020-6-10-15) EDN: [RRQVNB](https://www.edn.ru/RRQVNB)
2. Азнагулова Г. М., Пашенцев Д. А. Вопросы теории государства в современной юридической доктрине // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 10. С. 5–15. doi: [10.61205/jrp.2023.111](https://doi.org/10.61205/jrp.2023.111) EDN: [PDLDSV](https://www.edn.ru/PDLDSV)
3. Кузякин Ю. П., Кузякин С. В. Правовое регулирование цифровых технологий в государственном управлении // Административное право и процесс. 2023. № 3. С. 55–58. doi: [10.18572/2071-1166-2023-3-55-58](https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-3-55-58) EDN: [HXUUQQ](https://www.edn.ru/HXUUQQ)
4. Гриценко Е. В. Право на хорошее управление в условиях цифровой трансформации // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 4 (149). С. 15–36. doi: [10.21128/1812-7126-2022-4-15-36](https://doi.org/10.21128/1812-7126-2022-4-15-36) EDN: [WDWVXX](https://www.edn.ru/WDWVXX)
5. Дмитрик Н. А. Государства в своем праве // Закон. 2021. № 11. С. 65–77. EDN: [RNWEWI](https://www.edn.ru/RNWEWI)
6. Лазарев В. В. Юридическая наука в свете перспектив цифровизации // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 2. С. 5–19. doi: [10.12737/jrp.2023.013](https://doi.org/10.12737/jrp.2023.013) EDN: [WZFTGD](https://www.edn.ru/WZFTGD)
7. Артемова С. Т. Влияние цифровизации на развитие доктрины конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 3. С. 9–13. doi: [10.18572/1812-3767-2023-3-9-13](https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-3-9-13) EDN: [MPUAIM](https://www.edn.ru/MPUAIM)
8. Попов Д. А. К вопросу о переводе государственных услуг в электронную форму // Российская юстиция. 2016. № 7. С. 41–44. EDN: [WDGONB](https://www.edn.ru/WDGONB)

9. Давыдов К. В. Административные регламенты федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации: вопросы теории : монография / под ред. Ю. Н. Старилова. М. : "Nota Bene" Медиа Трейд, 2010. 389 с. EDN: [QSADFR](#)
10. Андрушкова Е. А. О некоторых аспектах административно-правового регулирования внутренней миграции // Административное право и процесс. 2015. № 4. С. 25–27. EDN: [TPFSXT](#)
11. Попов Д. А. О базовых государственных информационных ресурсах // Российская юстиция. 2015. № 9. С. 2–5. EDN: [UEARFX](#)
12. Зубарев С. М. Цифровизация государственного управления: новая административная реформа? // Административное право и процесс. 2020. № 7. С. 62–66. doi: [10.18572/2071-1166-2020-7-62-66](https://doi.org/10.18572/2071-1166-2020-7-62-66) EDN: [VVHANI](#)
13. Алферова Е. В. Трансформация универсальных и конституционных прав человека в условиях цифровизации // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 11. С. 31–36. doi: [10.18572/1812-3767-2023-11-31-36](https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-11-31-36) EDN: [TVBEVS](#)
14. Невинский В. В. «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 26–32. EDN: [EXGFHJ](#)
15. Ковлер А. И. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 5–29. doi: [10.12737/jrl.2022.125](https://doi.org/10.12737/jrl.2022.125) EDN: [DRKLNH](#)
16. Права человека и безопасность в современном мире: гибридные угрозы и новые вызовы : монография / Н. Н. Аверьянова, Д. С. Велиева, Е. А. Капитонова [и др.]. М. : Проспект, 2021. 152 с. EDN: [QPDDNB](#)
17. Романовский Г. Б., Романовская О. В. О цифровом суверенитете // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 9. С. 25–31. doi: [10.18572/1812-3767-2022-9-25-31](https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-9-25-31) EDN: [DHRHRH](#)
18. Экономическое право : учебник / Н. С. Бондарь, Р. В. Амелин, Д. И. Артемова [и др.] ; под науч. ред. Н. С. Бондаря. М. : Проспект, 2021. 352 с. doi: [10.31085/9785392336791-2021-352](https://doi.org/10.31085/9785392336791-2021-352) EDN: [IYMONQ](#)
19. Волос А. А., Иванов А. А. Цифровизация и Конституция // Закон. 2022. № 12. С. 34–45. doi: [10.37239/0869-4400-2022-19-12-34-45](https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-12-34-45) EDN: [NWRCDQ](#)
20. Затулина Т. Н. Государственное управление: современный вектор развития и реализация в цифровой парадигме публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 12. С. 8–10. doi: [10.18572/1812-3767-2022-12-8-10](https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-12-8-10) EDN: [VJSCJY](#)

References

1. Talapina E.V. Human rights and digital sovereignty. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Government*. 2020;(6):10–15. (In Russ.). doi: [10.18572/1813-1247-2020-6-10-15](https://doi.org/10.18572/1813-1247-2020-6-10-15)
2. Aznagulova G.M., Pashentsev D.A. Questions of the theory of state in modern legal doctrine. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2023;27(10):5–15. (In Russ.). doi: [10.61205/jrp.2023.111](https://doi.org/10.61205/jrp.2023.111)
3. Kuzyakin Yu.P., Kuzyakin S.V. Legal regulation of digital technologies in public administration. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*. 2023;(3):55–58. (In Russ.). doi: [10.18572/2071-1166-2023-3-55-58](https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-3-55-58)
4. Gritsenko E.V. Right to good governance in the context of digital transformation. *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*. 2022;(4):15–36. (In Russ.). doi: [10.21128/1812-7126-2022-4-15-36](https://doi.org/10.21128/1812-7126-2022-4-15-36)
5. Dmitrik N.A. States in their own right. *Zakon = Law*. 2021;(11):65–77. (In Russ.)
6. Lazarev V.V. Legal science in the light of digitalization prospects. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2023;27(2):5–19. (In Russ.). doi: [10.12737/jrp.2023.013](https://doi.org/10.12737/jrp.2023.013)
7. Artemova S.T. Impact of digitalization on the development of the doctrine of constitutional law. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo = Constitutional and Municipal Law*. 2023;(3):9–13. (In Russ.). doi: [10.18572/1812-3767-2023-3-9-13](https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-3-9-13)
8. Popov D.A. On transferring public services to electronic form. *Rossiyskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2016;(7):41–44. (In Russ.)
9. Davydov K.V. *Administrativnye reglamenti federalnykh organov ispolnitelnoy vlasti Rossiyskoy Federatsii: voprosy teorii: monografiya = Administrative regulations of federal executive authorities of the Russian Federation: theoretical issues: monograph*. Moscow: "Nota Bene" Media Treyd, 2010:389. (In Russ.)

10. Andryushkova E.A. On some aspects of administrative and legal regulation of internal migration. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*. 2015;(4):25–27. (In Russ.)
11. Popov D.A. On basic state information resources. *Rossiyskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2015;(9):2–5. (In Russ.)
12. Zubarev S.M. Digitalization of public administration: new administrative reform? *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*. 2020;(7):62–66. (In Russ.). doi: [10.18572/2071-1166-2020-7-62-66](https://doi.org/10.18572/2071-1166-2020-7-62-66)
13. Alferova E.V. Transformation of universal and constitutional human rights in the context of digitalization. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo = Constitutional and Municipal Law*. 2023;(11):31–36. (In Russ.). doi: [10.18572/1812-3767-2023-11-31-36](https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-11-31-36)
14. Nevinskiy V.V. “Digital rights” of a person: essence, system, significance. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo = Constitutional and Municipal Law*. 2019;(10):26–32. (In Russ.)
15. Kovler A.I. Anthropology of human rights in the digital era (practice of comparative analysis). *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2022;(12):5–29. (In Russ.). doi: [10.12737/jrl.2022.125](https://doi.org/10.12737/jrl.2022.125)
16. Aver'yanova N.N., Velieva D.S., Kapitonova E.A. et al. *Prava cheloveka i bezopasnost v sovremennom mire: gibrnidnye ugrozy i novye vyzovy: monografiya = Human rights and security in the modern world: hybrid threats and new challenges: monograph*. Moscow: Prospekt, 2021:152. (In Russ.)
17. Romanovskiy G.B., Romanovskaya O.V. On digital sovereignty. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo = Constitutional and Municipal Law*. 2022;(9):25–31. (In Russ.). doi: [10.18572/1812-3767-2022-9-25-31](https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-9-25-31)
18. Bondar N.S., Amelin R.V., Artemova D.I. et al. *Ekonomicheskoe pravo: uchebnik = Economic law: textbook*. Moscow: Prospekt, 2021:352. (In Russ.). doi: [10.31085/9785392336791-2021-352](https://doi.org/10.31085/9785392336791-2021-352)
19. Volos A.A., Ivanov A.A. Digitalization and the Constitution. *Zakon = Law*. 2022;(12):34–45. (In Russ.). doi: [10.37239/0869-4400-2022-19-12-34-45](https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-12-34-45)
20. Zatulina T.N. Public administration: modern vector of development and implementation in the digital paradigm of public power. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo = Constitutional and Municipal Law*. 2022;(12):8–10. (In Russ.). doi: [10.18572/1812-3767-2022-12-8-10](https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-12-8-10)

Информация об авторе / Information about the author

О. В. Романовская – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.

O V. Romanovskaya – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Disciplines, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026.

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 10.04.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 28.04.2024

Принята к публикации / Accepted 30.05.2024